

An artistic illustration in a painterly style. A woman with dark hair tied back, wearing a light blue hospital gown, sits on the edge of a white hospital bed. She is looking out a large window. The view outside the window shows a two-story yellow house with a red roof, nestled in a lush green forest. A path leads from the foreground towards the house. The scene is bathed in soft, warm light, suggesting late afternoon or early morning. The overall mood is contemplative and nostalgic.

СВЕТЛАНА ПЕРВАЯ

Долгая дорога
обратно

18+

Светлана Первая

Долгая дорога обратно

<https://litres.ru/74046958>

SelfPub; 2026

Аннотация

Женщина в больничной палате смотрит в пустоту. Она заперла себя там, где нет боли, страха и памяти. И врачам не подобрать ключей к этой двери

Но дорога к спасению ждет.

А где-то за горами Запрета три проклятых путницы ищут освобождения. Все, чего касаются их руки, становится пеплом и смертью. Но почему? Дорога обещает ответ, но готовы ли они принять его? Готовы вернуться и снова ощутить жизнь?

Открыть глаза, вдохнуть и наконец сказать: я здесь.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Светлана Первая

Долгая дорога обратно

Глава 1

Сладковато-приторный – до резкости – запах хлорки, им здесь всё пропитано насквозь. Палата тонет в бледно-зеленом сумраке. Окно зашторено, только узкая полоса солнечного света режет комнату пополам и теплой дорожкой подбегает к босым ногам женщины, опущенным на линолеум цвета луговой травы.

Женщина сидит на больничной койке. Спина прямая, руки в заживших шрамах сложены на коленях ладонями вверх, голова чуть наклонена вперёд. Под волосами, собранными в низкий хвост, по шее вниз, под воротник тоже убегают бугристые рубцы. Глаза смотрят в никуда – сквозь шторы, сквозь окна и стены, куда-то за пределы мира. Иногда она моргает, но редко, так редко, будто забыла, зачем это делать. Ее дыхание ровное, едва слышное, и вздохи почти не поднимают грудную клетку.

В палате кроме женщины никого нет. Кататония не требует мгновенного надзора. Она требует терпения. Время растягивается, превращается в вечность, в которой всегда порядок. В ней ничего и никогда не происходит. Все про-

сто остается в порядке. Медленно смыкаются и снова размыкаются веки. Медленно двигается солнечная дорожка на зеленом полу.

Дверь открылась.

– Андрей, шевелись. Чего застрял? – высокий санитар, подталкивая перед собой коротенького и упитанного коллегу, вкатил тележку с постельным бельём. – Ты присматриваешь, я меняю? Или наоборот?

– Да какая разница, – Андрей подхватил стул, стоявший у входа и перенес к окну. – Придумали тоже, раз в три дня белье менять, дескать, по инструкции положено. Да кого это волнует? Вот скажи, Серег, разве им не все равно?

– Положено – сделаем. Ну-ка, Луиза, поднимаемся, красавица, – Сергей взял женщину под локоть и потянул вверх. Она безропотно поднялась. – Держи, – он передал пациентку Андрею, – усади на стул. И берись помогать, быстрее закончим.

Луиза на посетителей никак не среагировала. Ее тело механически передвигалось под руководством санитара – ноги шаркали по полу, взгляд оставался неподвижным и прямым, устремленным в никуда. Андрей довел ее до стула, посадил и повернул лицом к окну, отодвинул штору. С шестого этажа город выглядел красиво – панорама серо-золотых многоэтажек за парком, точно горы на закате. Солнце уже не летнее, мягкое – август почти кончился, – но еще щедрое и яркое. Где-то далеко застрекотала газонокосилка. Луиза

молча смотрела перед собой.

– Как тряпичная кукла, – бормотнул Андрей и вернулся к койке.

В четыре руки дело шло быстро и привычно. Старое белье – в бак, новое – расстелить, подоткнуть края простыни, разгладить. Сменить пододеяльник, наволочку...

Сергей работал, не отвлекаясь, а Андрей то и дело поглядывал на Луизу.

– Смотри... И точно не в окно. Ей солнце прямо в глаза светит, а она даже не щурится. А на что тогда?

– Кто ж её знает. Врач говорила – внутрь себя, – Сергей закончил с бельем и вернул пациентку на постель.

– Ладно, поехали.

Повернул тележку, и та нехотя двинулась, скрипя колесами по полу. У Андрея пиликнул телефон, он достал из кармана и коротко глянул на экран.

– Опять жена пишет? – усмехнулся Сергей. – Соскучилась?

Андрей фыркнул и потянулся убрать мобильник обратно, запнулся о тележку. Грохотнули железные сочленения...

И в этот момент Луиза шевельнулась.

Руки легли на край койки, толкнули тело вверх, ноги медленно двинулись в сторону окна – к теплomu солнечному прямоугольнику, лежавшему на полу. Штора так и осталась отодвинутой, и солнце щедро заливало палату сиянием.

Ее движение застало санитаров врасплох.

– Эй, эй!.. А ну-ка стой! – Сергей бросил тележку и схватил пациентку за локоть.

Луиза сразу остановилась. Но при этом будто вообще не заметила его, так и тянулась – вперед, к солнечному пятну под окном. Андрей подхватил пациентку с другого бока, и вместе они мягко вернули ее назад, к кровати. Она послушно села и замерла. Как обычно.

– Я пойду, а ты пригляди минут пять, – Сергей взялся за тележку. – Если опять вскочит, врача позови, Веру Сергеевну. Молодая, рыжая такая... Да ты знаешь. Она, конечно, уже была сегодня, но, если что, лучше сказать.

Андрей кивнул, вернул стул к двери и сел. Напарник ушел.

Луиза все так же смотрела в солнечное пятно, застыв в неловком наклоне.

– Да что ты там видишь? – тихо спросил Андрей. В пустой палате ему было неуютно.

Голоса доносятся слабо. Перед глазами – сплошной туман. Я не чувствую ни рук, ни ног, ни холодного пола, который секунду – или вечность? – назад был под моими ступнями. Изредка нечто едва осязаемое касается кожи, и положение тела меняется. Но как именно и зачем, я не могу ни понять, ни отследить. Здесь меня почти нет. Я не существую.

И всё же что-то теплится внутри. Там, где нет света, есть мир. И я вижу сияние. Вижу его даже сейчас, когда мои глаза,

кажется, закрыты. Или открыты? Не знаю.

Я просто знаю, что где-то есть дорога сквозь тьму. Она ждет, когда я решусь по ней пройти. Чтобы вернуть себе жизнь.

– В последнем городе ждет освобождение.

Так говорила ведьма, у которой я спрашивала совета. И не только я. У ведьмы побывали мы все – Зарина, тихая, не по годам серьезная девочка, вызывающе юная и соблазнительная Иззи и я, Лусия.

Проклятые.

Все, чего мы касались, становилось пеплом.

Дом ведьмы стоял на отшибе, там, где лес расступался и уступал место небу. Я шла к нему весь день, поднимаясь всё выше и выше по каменистой тропе, пока густая зеленая чаща не кончилась, открыв пологую вершину холма. Солнце здесь было особенным. Оно висело, касаясь верхушек деревьев, и заливало поляну тёплым, густым сиянием. Золотое на болотно-зеленом... Где-то я уже видела такой свет.

Я зажмурилась на миг, остановившись на краю прогалины, и мимолетное ощущение исчезло. Дальше тропка бежала среди высокой и жесткой травы. Она цеплялась за щиколотки, шелестела, словно кто-то перешептывался на краю слышимости. Дом ведьмы проступил из золотого сияния – кры-

ша, поросшая мхом, стены, сложенные из грубого камня, дубовая дверь.

У нее-то мы трое и встретились.

Зарина тихонько стояла на крыльце, несмело улыбаясь. Иззи молчала рядом, куталась в потрёпанную куртку и только иногда бормотала что-то неразборчивое себе под нос – кажется, проклинала нелегкую дорогу и репей, вцепившийся в подол. Я узнала их сразу – по мертвым глазам. По взгляду, в котором не было жизни.

Вопреки народным поверьям проклятие не убивало нас. Оно не давало жить. Вещи отказывались служить нам и рассыпались в труху за несколько дней. Железо ржавело, ткани расползались и гнили, скисало молоко, и зерно пожирали черви. Нас гнали отовсюду.

– Постучим? – тихо спросила Зарина.

– Не надо. Она знает, что мы здесь.

Стоило только сказать, и дверь открылась сама.

Внутри пахло сушёными травами, пылью и ещё чем-то сладковато-резким. Смутно знакомым и не пугающим. Пол скрипел, в щелях между половицами виднелись скрученные стебли сухой полыни – каждый шаг поднимал горькую и терпкую волну ее аромата. В углу странно неуместные здесь тикали часы с маятником, но маятник стоял недвижимо. Сломался? Или здесь время шло иначе.

Ведьма ждала нас у очага.

Я ожидала увидеть сгорбленную старуху, но она оказа-

лась молодой. Золотисто-медные волосы ложились на плечи крупными кольцами, из-под густой челки ровно и спокойно смотрели зеленые глаза. Она не улыбнулась. Только строго и внимательно нас рассматривала.

– Прокляты, – не спросила, не удивилась.

Зарина шагнула вперёд, раскрыла рот, но ведьма подняла руку:

– Потом. Сначала пройдите испытание. Я должна знать, за что вы платите.

Она подошла к низкому столу в глубине комнаты и жестом велела приблизиться. Там лежали кусок серого камня, медная монета с дырой посередине и засохшая ветка терновника.

– За горами Запрета есть сумрачная долина, и в ней – девять городов. Не руками построенные, не людьми населенные... – речитативом забормотала ведьма. – Там спасение. Но сначала каждая возьмёт то, что её. И скажет правду.

Красавица Иззи хмыкнула, однако к столу двинулась первой. Её рука легла на медную монету.

– Моя ненависть, – сказала она, и голос её дрогнул.

К Иззи вернулось ее же проклятие. Юная и дерзкая, она влюбилась без памяти в купеческого сына – нежного юношу со льняными кудрями. Первая красавица города – с темным жарким взглядом, алыми губами и волосами цвета воронова крыла – она ждала, что избранник упадет к ее ногам. Но... он выбрал другую. Тихую Марику, которая по сравнению с Из-

зи выглядела бледной и почти прозрачной тенью. Ее черты были мягкими, движения плавными, а портрет хотелось писать только акварелью, чтобы передать деликатную прелесть девушки.

Иzzi пришла в бешенство. Но, будучи девушкой воспитанной, не стала устраивать скандала. Втайне собрала нужное – нечистой крови толику, лапку летучей мыши, волос Марики и горсть могильной земли – и в полночь встала на перекрестке трех дорог. И до рассвета выкликала, выговаривала боль, и ненависть, и обиду, и ревность. Ядом отвергнутой любви хотела уничтожить соперницу. Но не вышло. Крепче, чем ребенок за мать, держалась Иззи за свою ненависть, и та начала пожирать ее изнутри.

– Открой свое сердце, коснись живой плоти, – ведьма опустила руку Иззи на грудь. Монета в руке девушки вспыхнула тёмным огнем, превратилась в черный колючий клубок, потом сжалась и пропала, а на ладони остался серебряный кулон в виде сердца на тонкой цепочке. – Нет ран, которых нельзя исцелить. Иди в девятый город. Если пройдешь через все, освободишься.

Следующей подошла Зарина. Она дрожала, но не отступила. Пальцы сомкнулись на колючей ветке терновника, иглы впились в нежную кожу, но девочка не вскрикнула.

– Я... – она запнулась. – Мама не хотела. Она меня любит, я знаю. Я только боюсь, что она забудет меня, перестанет видеть... Что все забудут и я останусь одна.

Глаза Зарины наполнились слезами.

Ее случайно прокляла мать. Девочка росла шаловливой и слишком резвой, не хотела слушаться, сбегала от домашней работы на заливные луга – плести венки. Кто ж виноват, что однажды мать не сдержалась? Вылетело слово, злое, неосторожное, – и не поймаешь! Не поймаешь, не вернешь обратно... Нашло Зарину на лугах, опустилось на светлые волосы – и потемнели они, затянуло паутиной ясные глаза, шипами проросло в детское сердце.

Немного времени прошло, и не выдержали селяне, выгнали девочку из деревни.

– Не слушай страх. Смотри на него, – ведьма отпустила руки и положила холодные пальцы малышке на глаза. – Выстой перед ним. Пройди через него.

Она медленно провела ладонями по лицу Зарины, точно снимая невидимую пленку, и ветка в руках девочки потеряла шипы, завилась, заплелась кольцом и превратилась в серебряный филигранный наголовник из тонкого обруча-венка с налобной подвеской-лунницей. Малышка зачарованно держала его в руке.

– Спрячь, – ведьма улыбнулась. – И не теряй.

Зарина убрала подарок за пазуху – туда, где бьётся сердце, – и отошла.

– Ты, – ведьма повернулась ко мне.

Я шагнула к столу. Камень лежал на выцветшей тряпице. Серый, холодный, гладкий. Я накрыла его ладонью, и он об-

жѣг такой пугающей, сосущей пустотой, какой я не чувствовала никогда. В глазах потемнело... Потом мелькнул свет, бледно-зеленый, с золотом, точно золотая солнечная дорожка среди сумрачной чащи. Мелькнул и исчез. И больше не было ничего.

– Я не помню, за что меня проклинали.

Я открыла глаза и наткнулась на взгляд ведьмы. Она смотрела на меня, и громко тикали ходики над неподвижным маятником. В солнечном луче лениво кружилась пыль... На меня и сквозь меня смотрели усталые глаза.

– Ты вспомнишь, – сказала ведьма. Шагнула ближе, крепко сжала мне руки, впиваясь ногтями в кожу, и повторила с силой: – Вспомнишь! Пройди через восемь городов и в девятом найдешь то, что потеряла. Прими его, и найденное тебя освободит.

Камень в моей руке нагрелся, потѣк, вытянулся – и я поймала на лету широкий пояс из круглых чернѣных пластин.

– Доберетесь до девятого города – пригодится, – только и сказала ведьма.

Она заговорила от порчи одежду на нас, еду и снаряжение и напоследок подошла ко мне вплотную и опять взяла за руки. Еѣ пальцы были холодными, как лёд, но в этом холоде мне почудилось знакомое тепло.

– Ты дойдешь и вернешься. Или останешься здесь навсегда...

Я хотела спросить: куда? Но ведьма уже отпустила меня

и отвернулась.

— Торопитесь, — сказала она обычным голосом. — До темноты лучше добраться к горам.

Мы вышли на крыльцо. Солнце садилось, и тени становились длиннее. Иззи уже шагала вперёд, не оглядываясь. Зарина прижала к груди спрятанный обруч и засеменила следом. Я постояла еще миг, подняв лицо к последним солнечным лучам, и пошла за спутницами — туда, где впереди, над верхушками деревьев, уже угадывались чёрные зубцы Запретных гор.

Разные тропы привели нас к жилищу ведьмы, но дальше — по дороге сквозь тьму — мы отправились вместе.

Запретную долину звали сумрачной, и не зря. Словно исполинская чаша с изъязвленным дном, раскинулась она между высокими зубцами горных хребтов. Настолько высокими, что солнце сюда заглядывало только в полдень. Но недолгим его лучам не хватало силы, чтобы разогнать туман и просушить топкую грязь. Серое марево клубилось над самой землей, закрывая горизонт, и только кое-где из него торчали корявые деревца с голыми мертвыми ветвями.

Мы выбрались из ущелья и спустились в долину за час до темноты.

Три дня пути через Запретные горы выжгли из меня всё,

кроме глухой усталости. Я почти не помнила дороги – только скользившие под ногами камни, острые, как ножи, и холодный ветер с вершин, который рвал одежду и пронизывал до костей. Иззи ругалась на каждом привале – на крутые подъёмы, на осыпистые тропы, где легко переломать ноги, стоит только отвлечься. И на меня, потому что я выбрала этот путь. Зарина молчала. Просто шла след в след и старалась не отставать. А на особенно громкие вопли Иззи вздрагивала и прятала глаза.

На втором подъёме Иззи соскользнула и еле успела ухватиться за выступ. Я втащила ее обратно на тропу, но едва встав на ноги, она оттолкнула меня и рявкнула:

– Не трогай! Сама справлюсь!

– Я и не сомневалась, – ответила я спокойно.

Иззи отвернулась и не разговаривала со мной до самого вечера. Зато на следующий день на переправе через быстрый ледяной ручей, мы справились благодаря ее ловкости и силе. Течение было таким сильным, что крутило камни величиной с кулак и легко сбilo бы с ног даже меня, не говоря уже о Зарине. Иззи, глянув на пенный поток, молча взяла девочку, перекинула через плечо и медленно перешла на другой берег, аккуратно ступая по скользким камням и помогая себе прихваченной на берегу длинной суковатой палкой. А потом вернулась за мной.

– Давай руку, – сказала она без привычной уже злости.

Я подчинилась.

Пока мы перебирались, Зарина ухватила сумки – свою и Иззину – и хотела унести выше от воды. Сделала несколько шагов и оступилась. Сумки упали в грязь на узкой тропинке, часть припасов вывалилась из неплотно завязанного горла. Зарина виновато замерла, с испугом глядя на учиненный хаос.

– Я... я нечаянно, – прошептала она.

– Ничего страшного, – сказала я, выбираясь на берег, собрала рассыпанное и подняла сумку. Иззи только фыркнула и закатила глаза.

Зарина потом ещё долго молчала, и в её глазах стояло такое отчаяние, будто она совершила непоправимое. Она хотела быть полезной. Но ее попытки почему-то оборачивались против неё самой. На ее неловкость я смотрела снисходительно, а Иззи очень старалась не сорваться. Она стискивала зубы и молчала, хотя видно было, как это трудно ей дается. Только один раз, когда девочка, торопясь быстрее освободить дорогу спутнице, споткнулась и чуть не сбила всех с тропы, процедила сквозь зубы:

– Смотри под ноги, растяпа.

И тут же осеклась, сжав кулаки, будто сама готова была ударить себя за эту резкость. Иззи злилась не на Зарину, а на весь мир. И на себя – за то, что не могла стать другой. Доброй, спокойной, прощающей неловкость, или слабость, или нелюбовь. Иззи ненавидела свою ненависть. И, кажется, боялась, что однажды эта ненависть пожрёт её целиком.

Иззи заметила мой взгляд.

– Иди ты, – сказала она тихо и отвернулась.

А через час, когда мы уже поднимались выше, вдруг остановилась и протянула Зарине последнюю горсть сушеных ягод.

– Ешь, – бросила она. – Ты маленькая, тебе надо расти.

Зарина осторожно взяла угощение и съела торопливо, почти не жуя. И опять молча. Даже поблагодарить не решилась.

А я в этот момент вдруг поняла, что не чувствую ничего. Не жалею ребенка, который так боится ошибиться, что предпочитает молчать и готов почти исчезнуть – лишь бы не мешать. Не злюсь на Иззи за её грубость не к месту. Во мне вообще нет ни гнева, ни тепла, ни радости. Ничего. Внутри клубится тяжелая серая муть, непроглядная, как туман в долине внизу, и стоит оглушительная тишина. Тишина пустого дома.

Почему я ничего не чувствую?

Мы спустились в долину под вечер. Пока искали место для ночлега, стемнело окончательно. Здесь везде было сыро и промозгло, но под комлем упавшего дерева со здоровыми растопыренными корнями нашлось относительно сухое местечко. Мы с Иззи быстро натаскали хвороста и разожгли огонь. Маленький костерок не столько горел, сколько шипел и плевался искрами, но стало уютнее. Быстро перекусив, мы коротали рядом с ним последние минуты перед ночным отдыхом. Сидели плечом к плечу, плотно завернувшись

в куртки и спрятав руки поглубже в рукава. Только Зарина тянула тонкие бледные ладошки к шипящему костру, ловя слабые токи тепла.

Она молчала почти весь день, с того самого момента, как уронила сумку. И только сейчас, когда костер, кажется, чуть отогрел не только ее ладошки, но и сердце, осмелилась спросить:

– Лу... а далеко ещё до девятого города?

– Не знаю, – ответила я. – Наверное, далеко.

Она кивнула и снова замолчала. Чувствовалось, хочет спросить что-то еще – страшно ли нам? вернемся ли домой? о чем думаем? Хочет просто поговорить, но боится, что покажется глупой или задаст какой-нибудь неправильный вопрос.

Иzzi, нахохлившись, смотрела в огонь. Её лицо в отсветах пламени казалось жестким, почти враждебным. Но я заметила, как она тихонько поправила куртку на плечах Зарины, поплотней укутав девочку. И сразу отдернула руку, будто обожглась.

– Чего смотришь? – огрызнулась она, поймав мой взгляд.
– Спать давай.

Я не обиделась.

Мы устроились, как смогли, на жесткой земле. Зарина прижалась ко мне и тихонько засопела, Izzi чуть отодвинулась, отвернулась и легла спиной к костру. Я тоже закрыла глаза, но сон не шёл.

Я лежала и слушала, как потрескивает костер, как сухо шелестит трава под ветром, и ощущала внутри себя пустоту. Что-то я потеряла и сама не заметила... Но что?

Зарина всхлипнула во сне. Иззи, не открывая глаз, даже не поворачиваясь, потянулась и успокаивающе погладила ее ладонью по плечу. Девочка затихла.

Тишина внутри стала звенящей. И мне вдруг стало страшно от того, что неправильной я ее не чувствовала. А должна была. Потому что, похоже, мое сердце перестало жить по-настоящему. Оно больше не замирало ни от ужаса, ни от счастья, не пело от радости, не холодело от разочарований... Оно просто было. Но жизнь из него ушла.

И кажется, я не хочу, чтобы она возвращалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.